

Когда-то в школе нас учили, что язык — это средство общения между людьми. Жизнь внесла свои коррективы. Язык — это средство разобщения. То, что раскалывает нас на правых и левых, либералов и консерваторов. Самые страшные войны на земле — это гражданские войны между людьми, говорящими на одном языке, утверждал Умберто Эко. Герой одного из романов Людмилы Улицкой был переводчиком. Человеком, который помогал людям договариваться между собой. И ни в кого не стрелял.

Людмила Улицкая, писатель

— Когда я просматривала материалы конференции «Мифы сталинизма», меня поразила одна вещь. Все, как один, говорили о роли и личности Сталина, а вы выступили «поперёк» мейнстрима. И, как и следовало ожидать, не были услышаны...

— Это застаревшая дискуссия, из которой нельзя выбраться «мирным путем». Конечно же, я сторонник десталинизации, без каких-либо оговорок. Но в нашей стране живёт огромное число людей, возможно, что и большинство, для которых Сталин — национальный герой, спаситель Отечества или, извините, эффективный менеджер. И нет ничего глупее, чем спорить с этими людьми. Здесь не работают ни доводы разума, ни статистика,

ни общегуманитарные соображения. Речь идёт о вере. Эти люди веруют в бога с усами, в фураге, в сапогах, и разрушать статуи означает совершить на их глазах святотатство. Я не хочу никого оскорблять. Мои деды отсидели огромные сроки в сталинских лагерях, а их деды, возможно, в этих лагерях работали охранниками. Разный жизненный опыт, разное отношение к сталинизму. Враждовать с теми, кто верует, тоже не хочу. У меня вера другая, без усов и без сапог, и меня моя вера призывает к примирению. Поэтому мне кажется непродуктивным дальнейшее выяснение отношений: кто умный, кто идиот, кто подлец, кто друг и кто враг народа. Пора подвести черту и начать с нового листа — и у тех, и у других есть страна, которая давно кончила воевать (или победила в войне), и сегодня эта страна нуждается в усилиях своих граждан, чтобы справиться с бедностью, сиротством, большими проблемами в армии и т.д. Есть множество вопросов, которые следует совместно решать гражданам нашей страны, вне зависимости от их отношения к Сталину. И перестать выяснять отношения.

— Людмила Евгеньевна, Вы часто высказываетесь откровенно и нелестно по довольно злободневным вопросам... Легко ли быть «перпендикулярным» человеком?

— Я вовсе не спешу высказываться по злободневным вопросам и обыкновенно отказываюсь это делать. Но изредка всё же что-то говорю, и почти всегда потом сожалею. Я не считаю себя «перпендикулярным» человеком, безусловно, предпочитаю присоединиться к какому-нибудь высказанному мнению, а не выстраивать собственные слова по старому поводу в новом порядке. В сегодняшней нашей жизни очень много лжи на разных уровнях, и мне хотелось бы, чтобы её было меньше. Самый яркий опыт того, что вы называете «перпендикулярность» — роман «Даниэль Штайн, переводчик», в котором действительно немало сказано вещей, о которых говорить по разным причинам не принято. Голову не оторвали. Была острая дискуссия, отчасти до сих пор не утихшая, но все остались живы. Выгонять

меня неоткуда, лишать — нечего, потому что ничего и не давали, на тюремный срок моего свободомыслия по теперешним временам недостаточно. Из чего следует, что мы живём не в самые плохие времена.

— Как Вы выстраиваете свои отношения с властью? Какой аспект взаимоотношений между властью и личностью для Вас сохраняет свою актуальность сегодня?

— Я власть не люблю в идее. Но я человек законопослушный и согласна выполнять законы, даже когда они мне не особо нравятся. Я всегда избегала соприкосновения с властью. Никогда не испытывала удовольствия, когда она вдруг замечала моё существование. Сейчас я занимаюсь небольшой благотворительной деятельностью, связанной с библиотеками, с их бедственным положением. И время от времени мне приходится контактировать с государственными чиновниками. Иногда удаётся найти общий язык, и я всегда этому радуюсь.

— В каких вопросах удастся найти взаимопонимание?

— Самый интересный случай связан с нашим общением с чиновниками, отвечающими за исправительные заведения. Мы хотели книги послать в детские колонии, пришли как просители: дайте пожалуйста такую возможность, окажите содействие... Оказали. Взяли на свой счёт рассылку. Компромисс был: некоторые из книг они, отцензурировав, не приняли. Ладно, в следующий раз будем лучше договариваться, постараемся объяснить, что юридическая литература на руках у заключённых не помешает начальству.

— У Вас есть какая-то личная тактика общения с чиновниками?

— Нет, особой тактики нет. Когда морда уж слишком кувшинная, сразу отступаю. А порой бывают нормальные люди. А с ними и общаться можно просто, никаких приёмов не нужно. У нас с ними положение неравное. В отличие от меня, их степень свободы ничтожна: сидят на зарплате, зависят от своего начальства, боятся потерять место. Мне-то хорошо!

В сегодняшней нашей
жизни очень много лжи
на разных уровнях,
и мне хотелось бы,
чтобы её было
поменьше.

Людмила Улицкая, писатель

— Одно время Вы состояли в переписке с Михаилом Ходорковским. В чём эта переписка не оправдала или, напротив, оправдала Ваши ожидания?

— Эта переписка вызвала большой общественный резонанс, что отвечало моим намерениям. Задача была — привлечь внимание к процессу, который представляется мне постыдным, и дать возможность Ходорковскому высказаться по тем вопросам, которые мне интересны. Он попал в тяжёлый переплёт и держится замечательно. Все мои друзья и родственники сидели в более ранние годы, при советской власти. Оказалось, что тюрьма мало поменялась. Меньше, чем воля.

— Вы часто говорите о том, что человечество сегодня переживает кризис сознания. В чём он заключается?

— Сознание человека аксиоматично — с раннего возраста человек усваивает некоторые вещи, который преподносятся как правильные или даже как единственные правильные. Всё это — железобетонные блоки, мешающие адекватному восприятию мира. Мне бы хотелось, чтобы люди научились проверять свои ранее сложившиеся установки уже в более зрелом возрасте, обдумывать их. Я говорю приблизительно. На этот вопрос нельзя ответить в нескольких словах.

— Каковы особенности нынешнего кризиса?

— Человечество подошло к краю своего существования. Этот кризис тотальный, в нём огромная планетарная составляющая. Можно назвать ее экологической: алчность и эгоизм уничтожают планету. Умирают и другие планеты во вселенной, но мы не знаем, какую роль в этом процессе сыграли живые существа, и были ли они на других планетах. Что же касается нашей планеты, то ей умирать сильно помогает человечество.

Кризис вообще — ситуация, когда старые установки перестают работать, необходимо вырабатывать новые. У меня нет на это рецептов. Я только хочу тихо сказать, что умственная работа необходима человеку в любом возрасте и в любых обстоятельствах.

— **От каких представлений нам предстоит отказаться, чтобы выжить?**

От этноцентризма — ни один народ в этом мире не является руководящим и прогрессивным. От идеи, что есть правые, левые, либералы и консерваторы. Это устаревшие понятия, требуется выработать некий новый понятийный аппарат, и в этом могут помочь философы, демографы, экологи. Словом, учёные, а не политики, логика которых всегда исключительно эгоистична.

— **Вас интересует человек, и всё, что с ним связано. А феномен «советского человека» вам интересен?**

— Да, интересен...

— **...и вообще, он существует, этот феномен, или это выдумка, фикция?**

— Этот феномен существует. Его исследовали генетики. Генофонд российского народа очень пострадал в результате революции, гражданской войны и последующих десятилетий. И это не возникновение каких-то новых мутаций, а катастрофическая выемка ценных качеств, которые не монтировались с идеей сознания «советского человека», как её формулировали большевистская и прочие партии. Об этом много говорили и писали: гибель значительной части русского офицерства, гибель наиболее активной части крестьянства, уничтожение интеллигенции. Духовное насилие над художниками в широком смысле слова.

— **В чём для Вас заключается «советское мышление»? Каковы его особенности?**

— Иждивенчество, отсутствие личной ответственности, паразитизм и одновременно рабское отношение к государству. Глубокий и вполне обоснованный страх перед властью. Отсюда — пассивность. Готовность подчиниться самому нелепому закону и указу. Привычка к уравниловке, зависть и ненависть к богатым. Отсутствие уважения к собственности, презрение и ненависть к труду.

— **Откуда берутся эти качества? Какой источник их питает?**

— Всё это изначально заложено в лобом человеке, но советская власть создала среду, в которой для выживания наиболее ценными оказывались такие качества, как умение молчать, быть незамеченным, никак не выделяться в обществе, подхалимство, отсутствие собственного достоинства... — продлите список сами...

— **Как Вы думаете, поколение, родившееся и выросшее в постсоветский период, уже другое?**

— Мне нравится та молодёжь, с которой мне приходится сталкиваться профессионально. Но это очень узкий сегмент, и нельзя на этом основании делать выводы. Мне эта молодёжь кажется гораздо более развитой и образованной, чем были мы в 60-е годы. Они знают языки, прекрасно чувствуют себя в разных странах, очень жизнеспособны. Но именно из этого поколения вырастают и новые фашисты, а подворотни полны окурками и пустыми бутылками, которые оставляют те же самые двадцатилетние. Это всё вопросы для Левада-центра.

— **На фоне глобальных проблем, перед лицом которых оказался мир, имеет ли вообще смысл говорить о каких-то специфических особенностях «советского сознания» и «советского мышления»?**

— Советское сознание — это в первую очередь сознательный отказ от сознания! Это желание оставаться в старых привычных схемах и не думать.

— **Есть ли в этом мышлении ресурсы для выживания в новых условиях жизни?**

— Нет.

— **Какой-то ценный опыт, который мог бы нам помочь?**

— Не знаю.

Редакция благодарит Людмилу Евгеньевну
Улицкую за ответы на вопросы.
Беседовала и подготовила текст к публикации
Марина Авдеева